условия жизни узников изменились к худшему. После второй казни (14 апреля 1670 г.), как пишет Епифаний, отвели их «в старыя темницы, когождо во свою».[25] Теперь тюремщики «обрубиша около темниц наших срубы и осыпаша в темницах землею... и оставиша нам по единому окошку, куды нужная пища принимати и дровишек приняти» (256). А «тюрьмы нам сделали, — пишет Федор, — по сажени, а от полу до потолгу головой достать».[26] Иронизируя по поводу такого способа заключения, Аввакум не забывает о Епифании: «покой большой и у меня, и у старца... где пьем и едим, тут... и лайно испражняем, да складше на лопату, и в окошко!.. Мне видится и у царя — того, Алексея Михайловича, нет такого покоя».[27]

Теперь лишь по ночам, рискуя быть жестоко наказанным, узникам удавалось встречаться друг с другом, вылезая из темниц через окна.[28] Заключенные сносились и путем передачи поручений через сочувствующих им стражников. Епифаний рассказывает о том, как к нему обратился сотник с просьбой сделать несколько крестов, которые он собирался отвезти в Москву «боголюбцам», но старец сказал ему: «и ты сходи... ко Аввакуму и принеси мне от него благословение» (258). Только после того как сотник выполнил это требование, Епифаний принялся за работу. «Рукоделие» старца очень пригодилось. Сообщая в одном из писем семье о посылке девяти крестов («старец трудился»), Аввакум добавляет: «Еще таинства в крестах, а грамоток в мир не чтите».[29] Он не разрешает родственникам читать спрятанные в крестах и адресованные «в мир» послания. Был и другой способ тайной отправки своих сочинений единоверцам, который также связывал Аввакума и Епифания: «И стрельцу у бердыша и топорище велел ящичек зделать, — пишет Аввакум боярыне Морозовой, — и заклеил своима бедныма рукама то посланейце в бердыш... а ящичек стрельцу делал старец Епифаний».[30]

Однако Епифаний не был только техническим помощником Аввакума. Кроткий и скромный, склонный к созерцательности и внутренним переживаниям, Епифаний столь резко отличался по характеру от «огнепального» Аввакума, не терпевшего критики даже со стороны своих ближайших соратников, что всецело подчинился влиянию протопопа и сделался в Пустозерске самым близким его другом и единомышленником.[31] Епифаний так сердечно сочувствовал Аввакуму в его яростной богословской полемике с соседом по темнице Федором, что его даже посетило видение, которое он сообщил Аввакуму, а тот поспешил им воспользоваться как аргументом в своем «Слове на безобразника и отступника неосвященнаго»: «и тебя старец видел, — пишет Аввакум Федору, — развязана дьяволи волокут в бездну».[32] В борьбе с Федором Аввакум вообще выступал не только от своего имени, но и от имени старца: «Аз же, грешный и гру-

---

[25] Я. Л. Барсков. Житие инока Епифания. — Памятники первых лет русского старообрядчества, в. I. СПб., 1912, стр. 248. (В дальнейшем при цитировании «Жития» Епифания страницы указываются в тексте в скобках, при цитировании других памятников в подстрочных примечаниях обозначается: Я. Л. Барсков, Памятники, с указанием страниц).

[26] Я. Л. Барсков, Памятники, стр. 68.

[27] РИБ, т. 39, стлб. 929.

[28] См: Я. Л. Барсков, Памятники, стр. 68; Материалы, т. VI, М., 1881, стр. 131.

[29] РИБ, т. 39, стлб. 913—914; Я. Л. Барсков, Памятники, стр. 41, 303.

[30] РИБ, т. 39, стлб. 913.

[31] См: П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898, стр. 055.

[32] РИБ, т. 39, стлб. 639; см. также стр. XXXIX.